

Текст · 19 августа 2022, 05:34

Дмитрий Швец,

«Нас наебали, простите». Десантник Павел Филатьев участвовал во вторжении в Украину, а потом написал об этом антивоенную книгу и уехал из России

Как изменилась за время войны Россия

Когда я вернулся в конце апреля, приехал сначала в свою воинскую часть в городе Феодосия в Республике Крым. Я как военнослужащий после госпиталя обязан явиться в свою воинскую часть, чтобы отметить, что я вернулся с боевых. Я приехал, и временно исполняющий обязанности командира полка предоставил мне отпуск на две недели. Ну, и во время отпуска я был много где — в Краснодаре, в Волгограде, в Москве. Встречался с родными, близкими, общался.

У меня в госпитале не было телефона. Когда я в конце апреля вернулся в воинскую часть, где оставил свой телефон, я начал звонить знакомым — просто отметить. Я начинаю что-то рассказывать, объяснять про войну. А мне все говорят, что нельзя так говорить, что нельзя говорить «война», надо аккуратнее. Для меня уже это дико было: вроде я приехал с войны, а нельзя говорить «война». Такая подмена понятий, сумасшедший дом. Дальше я понял — общество не понимает, как себя вести, какую позицию занять: вроде бы понимают, что война на Украине — это плохо, но хотят поддержать своих ребят-военнослужащих, которые

находятся на войне. С другой стороны, они боятся правительства. Я это долго переваривал и даже до сих пор не могу переварить. Но страна очень сильно изменилась. Общество запугано, зашугано, все пытаются подбирать слова, все боятся свои мысли искренне и честно выражать. Как минимум я не в восторге. Тем более что мы решили окончательно разосраться со всем миром. Весь мир как бы пытается друг с другом общаться, налаживать отношения, и вообще как-то всем уже понятно, что война ни к чему хорошему не ведет.

О книге

На второй месяц, когда я находился под обстрелами, когда рядом все взрывается... Я — человек, верующий в Бога. Я не очень к религиям отношусь, ни к христианству, ни к исламу, но в Бога верю. Когда рядом что-то все время взрывалось, у меня постоянно проскальзывала мысль в голове, что если я выживу, я сделаю все, чтобы это изменить. Как-то так сложилось, что я живой вернулся, понял: обещание надо выполнять.

Я начал пытаться уволиться по состоянию здоровья. Думал, что издам свою книгу. Расписал всю правду и попытался передать, что такое война и как это происходит. Но так получилось, что командование мне не давало возможности уволиться. Меня начали шантажировать: либо обратно на Украину, либо статья. И тогда я уже просто покинул территорию части, хотя многие мои товарищи, к сожалению, повелись на угрозы и шантаж. Они уехали обратно на Украину — немногие, но некоторые повелись и уехали.

А я покинул территорию части, издал книгу. Она не дописана, не отредактирована. Я пытался с разными журналистами связаться, с блогерами знаменитыми, но мне, в отличие от многих из них, сразу ответил только Владимир Осечкин. Мы записали интервью. Он меня уговорил попытаться как можно дольше оставаться на свободе, чтобы СМИ могли дать огласку моей истории. Из России я уезжать не хотел. Но в последний момент меня убедили. Очень много людей просто написали, что лучше уехать. Ну и плюс я знаю от моих сослуживцев, что командование... Уже переданы документы. Из России в последний момент я уехал, сейчас нахожусь за границей уже сутки. И где, я не скажу. Первое время очень сильно боялся, что меня убьют. Ну, как боялся — готовился. Я там, на Украине, смирился в какой-то момент, что я умру. Сейчас все так складывается, мне реально терять нечего. Россию я покинул только с той целью, чтобы попытаться что-то в России изменить.

О реакции сослуживцев, украинцев и людей из интернета

Павел Филатьев. Кадр: «Гулагу-нет Официальный канал» / YouTube

Ни один военный мне не сказал, что я предатель или трус. Многие мои сослуживцы писали мне, поддерживали и говорили спасибо. Им это все на хер не надо, но они не знают, как им действовать. Просто так сложилось, что у меня нет жены и детей. Я не несу ответственность за посторонних людей, только за себя. И мне как-то, получается, проще. Я рискую только своей жизнью. У моих сослуживцев ситуация другая. Сослуживцы не знают, как им действовать. Вот они сейчас что-то сделают — у них заберут квартиру, жена с ребенком на улице, их объявят врагами государства, зарплаты нет, устроиться с черным билетом никуда невозможно. Это замкнутый круг.

Мне очень много разных людей писали, звонили. Я не всегда понимаю, откуда они вообще нашли

мои контакты. Разные люди — из Украины, России, бывшие военнослужащие, которые уволились из армии. Были даже, которые отслужили раньше в полку, в котором я вырос.

Ну, примерно 10% написавших мне пожелали сдохнуть и всячески оскорбили — из Украины и как бы люди, позиционирующие себя военными. Но эти люди мне неизвестные, и у меня складывается впечатление, что это люди далекие и от Украины, и от России, и от армии.

Почему не надо просить прощения у украинцев

Что я хочу сказать украинцам. Я в интервью Владимиру Осечкину сказал, что извинения неуместны. Не всем было это понятно, я подробнее объясню: извиняться можно, когда человек другому на ногу наступил. В данный момент сказать «извини» — это неадекватно. Я написал книгу, и я хочу, чтобы она была на русском языке в бесплатном доступе, чтобы любой, кто поддерживает войну, мог прочитать, что я пережил за последний год. А дальше я просил помочь мне перевести эту книгу. Все деньги до последней копейки, которые будут получены с продаж на английском, немецком, французском, на всех остальных языках — они пойдут на помощь украинским мирным жителям, которые пострадали от этой войны. Со мной после этого связались очень много людей, которые готовы безвозмездно переводить книгу, разные издательства, которые заинтересованы в том, чтобы издать ее на других языках. Чтобы каждая копейка пошла на помощь украинским людям, пострадавшим от этой войны. Я

этим поступком хотел показать, что сказать «извини» просто — это глупо.

О боеготовности и моральном духе российской армии

Смотрите, разделим готовность армии на два аспекта. Первый — это оснащение, материальное обеспечение. По этому аспекту, я считаю, на два из пяти. Следующий аспект — моральный. Из того, что я видел, я оцениваю его как очень высокий, на пять с минусом, наверное. Так будет честно говорить, если по пятибалльной системе. Мы все воспитывались на подвиге предков, на милитаризации: мы постоянно везде слышим, что мы самые крутые воины и победим всех на свете. Морально люди готовы умирать, отдавать свои жизни. Ты понимаешь, что, похоже, надо умереть. За что — ты не знаешь, но ты знаешь, что как военный ты не имеешь права опозориться. Но при этом дальше российская армия воевать не хочет. Не из-за того, что она боится, а из-за того, что она понимает, что правительство ее втянуло в губительную войну. Проблемную войну, в которой нет правды. Большинство военнослужащих российской армии не чувствуют, что за ними правда. И в этом проблема. Военные не слепые, они видели своими глазами разрушенные города, видели и знают, что много гражданских людей погибло. Остались без домов и погибли, остались инвалидами просто из-за того, что мы поиграли в войнушку. Русские солдаты обычные — они тоже понимают, что нет за ними правды. То есть нас обманули, нас наебали, простите.

О Буче и убийствах мирного населения

Спустя два месяца после начала войны я вернулся — был в госпитале, потом меня отправили в отпуск.

Я встретился со своим старым другом, он бывший военнослужащий, офицер, ушел из армии из-за вопросов коррупции и раздолбайства. Он мне стал рассказывать про Бучу. Я до этого эту информацию не встречал. Мне было очень тяжело поверить, что такие же мои товарищи, российские десантники, могли что-то такое совершить. Я с ним даже несколько спорил. Мы ведь тоже задерживали гражданских людей, которые помогали украинской армии, мы тоже забирали у них телефоны. Но я не видел ни одного подобного случая на моем направлении. Когда я узнал про Бучу, мне тяжело было в это поверить, мне не хочется верить, я не знаю, как это произошло.

Буча, 12 апреля 2022 года. Фото: Rodrigo Abd / AP

Я пытаюсь быть объективным. Мне обидно, хоть это и не моих рук дело, но эти люди служили со мной в одном роде войск. Я пытаюсь их тоже понять. Я задерживал двух гражданских людей в Херсоне, когда мы штурмовали Херсон. Собственными руками я задержал двух человек. И я знал точно, что эти люди помогают украинской армии. Я понимал, что они

поджигали вокруг нас территорию, чтобы обозначить нашу позицию. Их передавали ФСИН и ОМОНу. Мы передовая линия, а вторая линия — это подразделения Росгвардии, к которым относятся кадыровцы. Те пленные, которые задерживаются на первой линии, передаются второй — что с ними происходит, конечно же, мне неизвестно. Но я знаю, что, когда через полтора суток после штурма Херсона мы вышли, наша передовая линия, там остались только ОМОН и Нацгвардия, и люди вышли на демонстрации. Я слышал, что их разогнали резиновыми пулями, газом и всем остальным. Но я знаю также много людей из ОМОНа, которые после этого уволились и отказались ездить на Украину. Они понимают, что творится просто жуть, когда мы захватываем город, а потом народ говорит: «Мы не хотим быть с вами, уйдите от нас» — и им приходится разгонять мирных жителей. У многих омовцев произошел такой надлом, когда они решили уволиться.

Я представляю, что сказал бы мне какой-нибудь командир: «Иди и застрели его теперь, этого гражданского». Я не знаю, мне проще было бы как минимум послать этого командира. Задержать я могу, морально я был готов. А расстрелять человека — я не понимаю, как это возможно.

Я таких случаев не видел, чтобы кого-то расстреляли, убили не в перестрелке, а после этого. Я даже по слухам не слышал, чтобы украинского пленного из моего подразделения кто-то застрелил. Я много чего могу плохого о своей армии рассказать, но я этого не видел своими глазами. Если бы я видел, я бы сказал, мне терять нечего.

О вербовке заключенных и добровольцев на войну

Я знаю одного военнослужащего, которого осудили за наркотики. Он не наркоман особо и не дилер, он решил по своей глупости на день рождения себе достать какой-то наркотик. Его повязали и ему дали срок год назад, пять лет, что ли, дали. Он был военный медик. И ему предложили: поехать на Украину либо дальше сидеть свой срок. Я пытаюсь его понять, и я его понимаю: он не знает, что происходит, телефона нет на зоне. И ему говорят: «Езжай на войну делать что-нибудь хорошее, а мы тебе срок аннулируем, да еще денег заплатим». Понятно для любого человека, который оказался в местах лишения свободы, что для него это шанс. Я знаю, что этот человек теперь на Украине. Правительство пытается хоть что-то сделать для того, чтобы продолжать свою ебучую, гадкую, беспонтовую войну, правительство идет ва-банк. Почему вербуют всех подряд, даже 50-летних стариков, которые всю жизнь лежали на диване, смотрели Первый канал и реально поверили, что нацистов-фашистов надо побеждать? Им за это еще предлагают хорошие деньги, которые они хрен заработают в России. И зачем их вербуют? А потому что люди не хотят ехать. Нормальные военнослужащие увольняются, уходят, отказываются. Они не хотят возвращаться обратно. Не потому, что они боятся, а потому, что они понимают, что их впутали в дерьмо полнейшее.

Могут ли военные повернуть оружие против своего правительства

Я уверен, мне не придется воевать против российской армии, потому что я знаю, что для российской армии — не каких-то подразделений, которые в тылу отсиживались, а тех, кто на передовой, даже для

ОМОНа — для них правительство враг. Но против Кремля — вот так будет четко — думаю, я бы мог поднять свое оружие. Поймите меня правильно, сейчас услышите и, пожалуйста, не переверните мои слова: против российской армии я не буду никогда воевать, российская армия — она знает, что нас впутали в дерьмо на Украине. Мы виноваты, но это очень тяжело сказать, осознать, тем более когда человек только с фронта приезжает. Те, кто находится на передовой, они действительно думают, что мы там против НАТО сражаемся, что мы Россию защищаем, чтобы на Россию не напали завтра. Здесь сложная ситуация: многие люди, ну, плохо образованы, которые на фронте. И многие реально верят в то, что они за правое дело сражаются. И пока мы им не откроем глаза на это, они оттуда не уйдут, они там умрут. Против своих сослуживцев я никогда не подниму оружие, но против Кремля — для меня это огромная разница — думаю, я способен поднять оружие.

Что будет, когда солдаты вернутся с войны

Это очень сложный вопрос, на который нет простого ответа. Во-первых, сначала им захочется находить себе оправдания, что они там были не просто так и делали благое дело. В первый месяц я бы с вами не смог разговаривать. Есть посттравматический синдром, это в Америке изучено очень хорошо. Очень тяжело солдату, вернувшемуся с войны, сказать: «Дружище, ты был неправ». А еще тяжелее ему потом это признать. Многим будет тяжело признавать правду и факт того, что мы никого там не освобождали, мы просто разрушили города, мы погубили много людей.

Но когда они это узнают, это будет коллапс. Я считаю, «Единой России» осталось жить месяц. Я не знаю, что они сделают, ядерную войну начнут или еще что-нибудь, чтобы попытаться удержаться, но люди, когда вернутся, откроют глаза и отоспятся, просто придут в себя. И потом военные спросят со своего правительства: «Зачем вы это сделали?». Никакое ФСБ, никакое ФСО, никто им не поможет. Тем более когда они будут понимать, что российский народ на их стороне. Я по России много путешествовал, я человек общительный, для меня нет проблемы с кем-то познакомиться. И в последние два месяца девять из десяти — против войны. Но большинство из них боится это сразу сказать, потому что это незаконно — так говорить, нельзя так говорить.

Редактор: Дмитрий Ткачев